

Зацепиться за жизнь.
 За её очертанья простые.
 За собаку на рельсах,
 за иней на иглах травы.
 Мы такие пустые.
 Мы, в сущности, все холостые.
 Мы всего лишь дыханье
 небесной пустой синевы.

Книжка называется «Пустоты». Пустота — очень важное для меня состояние, страшное и притягательное одновременно. Она, так или иначе, просвечивает в моих стихах с 17 лет. По этому принципу оказалось довольно легко отобрать их для сборника. Пустота во времени — это пауза. Молчание. Пишу я вообще мало и коротко — только тогда, когда моё молчание по каким-то причинам требует формы.

ПУСТОТА — ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ ДЛЯ МЕНЯ СОСТОЯНИЕ, СТРАШНОЕ И ПРИТЯГАТЕЛЬНОЕ ОДНОВРЕМЕННО

Чем больше дырок в душе твоей
 Судьба проделала, тем
 Сложней мотивы даются ей,
 Богаче и глубже тембр.

Душа-жалейка свистит, гудит,
 Вздыхает на сквозняке,
 Рождая песню в твоей груди,
 Не слышимую никем.

Дырки — это тоже пустоты. У меня есть друг Викча, пермский поэт и музыкант. Молчун и затворник. Он подарил мне свой давешний альбом «Сквозняки». Понятно, в общем, что мы на одной волне. А ещё подарил словечко «проруб» (ударение на «у») — когда поэт взламывает реальность, взламывает «литературу» и вместе с читателем проваливается в пограничное пространство, обдуваемый экзистенциальными сквозняками.

Ночным ветерком с вокзала
 Доносятся голоса
 В мой кухонный мир усталый,
 И каждые полчаса
 Я слышу, как чей-то скорый
 Уходит в глухую мглу.
 И я поправляю шторы,
 И кофе варю в углу.

Моей любимой книжкой в осмысленном детстве был сборник японской поэзии хокку. Я зачитывала его до дыр и вышивала гладью рисунки из него — стилизации под японскую гравюру. Никогда сама не писала хокку, но мне нравится, как они это делают: пара необязательных штрихов — и ты «словил» это состояние так, что тебя сгибает пополам.

Лодка

Мы с тобой в одной лодке,
 дружокчек, в чёртовой лодке.
 У нас медные жилы в сердце,
 стальные глотки.
 У нас крепкие спины,
 слова крепки в подъязычьи,
 Мы не помним друг друга
 в невинном былом обличьи.

Под распахнутым воротом,
 в ямочке над ключицей
 Спит предчувствие дряни,
 что с нами ещё случится.
 Спит отчаянный страх,
 спит холодный глухой рассудок.
 Пусть их спят — всё равно нам
 не деться уже отсюда.

В той неведомой жизни, простой,
 сухопутной, пресной
 Было много имён, позабытых
 теперь над бездной,
 С кем делили мы щедро
 столы свои и постели.
 Но важнее, выходит,
 кто бездну с тобой разделит.

Оттого, что в своей узнаём
 злую боль другого,
 Оттого, что над лодкой
 уже много дней — ни слова,

Оттого, что конец всё яснее,
 а путь короче,
 Я тебя невозможно зачем-то
 люблю, дружокчек.

Многие мои стихи — не совсем стихи. Это тексты песен. «Лодка» — тоже. Я исполняю их сама под гитару или вместе с друзьями-музыкантами. Конечно, в чистом виде песенный текст и поэтический пишутся по разным законам. Мне это много раз объясняли коллеги и по поэтическому, и по песенному цеху. Но самые важные для себя lyrics я взяла в книжку. Не могу без них.

Песня про безумных старух

Я хочу быть одной
 из таких старух,
 Что не угомонятся до смерти —
 Их запястья сухи, и их голос сух,
 А в глазах кувыркаются черти.
 Войлок длинных волос
 они красят в цвет
 Непонятных небесных явлений,
 Расписной балахон,
 что на них надет,
 Пережил уже пять поколений.

Их походка безумна, душа юна,
 Они жадно живут, как танцуют,
 Но давно уж молчат, какова цена
 За чудную походку такую.
 Нет, не скажут они, какова цена
 И приличий, и прихотей мнимых.
 Их бесцветные губы в изломах сна
 Поцелуями кроют любимых.

Они прожили столько,
 что плоть и дух
 Отдают табаком и духами,
 Они громко смеются и любят вслух
 Называть дураков дураками.
 Пусть завистливый им
 приговор готов —
 Мол, бесстыжие, мол, сумасбродки.
 Я хочу быть одной
 из таких оторв —
 Я учусь их нелепой походке.

Эта песня находит отзыв во многих сердцах. Она же не про старость. Про то, что не надо умирать раньше